

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-5
EDN HUEBMD

**Россия, Китай и Глобальный Юг:
культурное сотрудничество как основа новой стратегии**

Чжан Цзэмин¹✉, Лю Тянь², Ван Тао³

¹Аспирант факультета международных отношений, Школа социальных наук, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин.

²Аспирант факультета международных отношений, Школа социальных наук, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин.

³Доктор политических наук, младший научный сотрудник, Институт международных и региональных исследований, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин

¹zzm22@mails.tsinghua.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

²13104500117@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9245-4022>

³tao-wang@tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0009-2404-7130>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация российской культурной дипломатии в условиях санкционного давления со стороны стран коллективного Запада (после 2022 года) и ее стратегическая переориентация на страны Глобального Юга. Авторы ставят три исследовательских вопроса: каким образом Россия адаптирует культурную дипломатию в условиях санкционного давления? Какую роль играет Глобальный Юг в ее новой внешнеполитической стратегии? Способна ли данная стратегия изменить восприятие России на международной арене? Теоретической основой исследования служат концепции «мягкой силы», конструктивизма и постколониальной теории. В рамках данного подхода культурная дипломатия рассматривается как инструмент формирования международной идентичности, канал внешнеполитической мобилизации и механизм идеологического позиционирования. Особое внимание уделяется взаимодействию России с Китаем и совместным инициативам в странах Глобального Юга. На эмпирическом уровне анализируются ключевые культурные инициативы России – Всемирный фестиваль молодежи, Казанские «Игры будущего», культурные обмены в рамках БРИКС – а также проекты стратегического партнерства с Китаем. Благодаря данным инструментам Россия стремится реконструировать свой глобальный имидж, утвердиться как культурная альтернатива Западу и укрепить связи с госу-

© Чжан Цзэмин, Лю Тянь, Ван Тао, 2025

дарствами, разделяющими нарративы суверенитета и многополярности. Особое внимание уделяется символическому измерению культурной политики, в том числе реконструкции национальной идентичности России в рамках дискурса «многополярного мира» и «глобальной цивилизационной альтернативы». Анализируются примеры культурного взаимодействия с Китаем, Индией, Ираном, странами БРИКС и ШОС как площадками, способствующими укреплению духовной солидарности и стратегического партнерства. Авторы приходят к выводу, что культурная дипломатия России в постсанкционный период выполняет двойную функцию: она одновременно служит внутренним средством переосмысления национальной идентичности и внешним инструментом расширения влияния через символическую и институциональную деятельность.

Ключевые слова: Россия; Китай; Глобальный Юг; культурная дипломатия; многополярность; постколониальная теория; международные отношения; стратегическое партнерство

Для цитирования: Чжан Цзэмин, Лю Тянь, Ван Тао Россия, Китай и Глобальный Юг: культурное сотрудничество как основа новой стратегии // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-5>. <https://elibrary.ru/HUEBMD>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Russia, China and the Global South:
cultural cooperation as the basis for a new strategy**

Zhang Zeming¹✉, Liu Tian², Wang Tao³

¹Postgraduate student at the faculty of international relations, School of Social Sciences, Tsinghua University, PRC, Beijing.

²Postgraduate student at the faculty of international relations, School of Social Sciences, Tsinghua University, PRC, Beijing.

³Doctor of political sciences, junior researcher, Institute of International and Regional Studies, Tsinghua University, PRC, Beijing

¹zzm22@mails.tsinghua.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

²13104500117@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9245-4022>

³tao-wang@tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0009-2404-7130>

Abstract. The article examines the transformation of Russian cultural diplomacy in the context of sanctions pressure from the countries of the collective West after 2022 and its strategic reorientation to the countries of the Global South. The authors raise three research questions: in what way does Russia adapt cultural diplomacy in the face of sanctions pressure; what role does the Global South play in its new foreign policy strategy; and whether this strategy is capable of changing the perception of Russia internationally. Theoretical bases for the research are the concepts of soft power, con-

structivism and the postcolonial theory. Within the framework of this approach, cultural diplomacy is considered as a tool for the formation of international identity, a channel for foreign policy mobilization and a mechanism for ideological positioning. Special attention is paid to Russia's cooperation with China and joint initiatives in the Global South countries. Russia's key cultural initiatives are analyzed at the empirical level – the World Youth Festival, the Kazan Games of the Future, BRICS cultural exchanges – as well as projects of strategic partnership with China. Through these tools, Russia seeks to reconstruct its global image, to establish itself as a cultural alternative to the West, and strengthen relations with states that share narratives of sovereignty and multipolarity. Special attention is paid to the symbolic dimension of cultural policy, including the reconstruction of Russia's national identity in terms of the “multipolar world” and “global civilizational alternative” discourse. The article analyzes examples of cultural interaction with China, India, Iran, the BRICS and SCO countries as platforms contributing to strengthening spiritual solidarity and strategic partnership. The authors conclude that Russia's cultural diplomacy in the post-sanctions period performs a dual function: it serves both as an internal means of reconsidering national identity and as an external tool for expanding influence through symbolic and institutional activities.

Key words: Russia; China; Global South; cultural diplomacy; multipolarity; post-colonial theory; international relations; strategic partnership

For citation: Zhang Zeming, Liu Tian, Wang Tao Russia, China and the Global South: cultural cooperation as the basis for a new strategy. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 5–28. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-5>. <https://elibrary.ru/HUEBMD>.

Введение

Кризис на Украине, разразившийся в 2022 году, перерос в полномасштабный вооруженный конфликт, став водоразделом в развитии современных международных отношений. Военные действия России вызвали беспрецедентную волну санкций со стороны западных стран, приведшую к экономическим, политическим и культурным ограничениям со стороны стран коллективного Запада. Общее число введенных ограничительных мер превысило 20 тысяч, охватив не только ключевые отрасли – энергетику, финансы, оборонную промышленность, транспорт и высокие

технологии, – но и культурную сферу, включая искусство и литературу [Russia Sanctions Dashboard, 2025]. Западные издательства приостановили сотрудничество с русскоязычными партнерами, концертные агентства отменили выступления российских артистов, что разрушило долгосрочные связи с культурными институтами Запада (Вячеслав Костиков *Культура массового поражения. Санкции Запада против российского искусства. Аргументы и Факты*. 06.04.2022. URL: https://aif.ru/culture/opinion/kultura_massovogo_porazheniya_sankcii_zapada_protiv_rossiyskogo_iskusstva?ys

clid=m9igjwaky9861445034 (дата обращения: 09.04.2025)).

Культурный нарратив, традиционно игравший важную роль в формировании глобального имиджа России, также оказался объектом санкционной политики: международные мероприятия отменяются, совместные проекты подвергаются бойкоту. В условиях сокращения взаимодействия с рядом западных стран Россия переориентирует свою внешнюю политику на Восток и Глобальный Юг, стремясь восстановить культурные и геополитические связи. Страны Африки, Азии и Латинской Америки, объединенные общим колониальным прошлым и стремлением к построению многополярного мира, выступают против западной гегемонии, предоставляя России новые возможности для культурного взаимодействия.

На фоне меняющегося мирового порядка Россия рассматривает Глобальный Юг как перспективную площадку для укрепления культурных и дипломатических контактов, используя, такие платформы как Всемирный фестиваль молодежи и Казанские «Игры будущего», для переосмысления и продвижения своего глобального имиджа.

В рамках данной статьи ставятся *три ключевых вопроса*, находящихся на пересечении культурной дипломатии, международных отношений и геополитической стратегии: каким образом Россия может скорректировать свою культурную дипломатию в условиях санкционного давления со

стороны Запада? Какую роль играет Глобальный Юг в новой культурной и геополитической стратегии России? Способна ли эта стратегия изменить восприятие России на международной арене?

Настоящее исследование опирается на пересечение тематики культурной дипломатии и формирования национального бренда в условиях геополитического кризиса и расширяет существующую научную дискуссию. Путем углубленного анализа роли новых держав Глобального Юга материалы статьи способствуют обсуждению проблемы упадка западной гегемонии и утверждения многополярности в международной системе. Одновременно проводится системное изучение эволюции внешнеполитического курса России и его влияния на глобальное управление.

Осмысление стратегического использования Россией культурных инструментов позволяет подробнее изучить современные тенденции мировой политики, а также извлечь уроки для стран Глобального Юга и Запада в условиях новой эпохи геополитической трансформации. Анализируя взаимосвязь культуры, власти и дипломатии, данная работа подчеркивает неизменную значимость «мягкой силы» в формировании глобального нарратива.

Исторический процесс и обзор литературы

Культурная дипломатия на протяжении длительного времени рас-

сматривалась как одно из ключевых проявлений «мягкой силы» государства, при этом ее теоретическое осмысление эволюционировало под воздействием изменений в международной политической конъюнктуре. Концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем, акцентировала внимание на том, что привлекательность государства формируется через его культурные ценности, политическую систему и моральную легитимность внешнеполитического курса [Nye, 2004]. Именно в этом контексте культурная дипломатия была переосмыслена как инструмент достижения национальных интересов и формирования позитивного международного имиджа посредством культурных ресурсов.

Тем не менее в научной среде укрепляется мнение, что эффективность культурной дипломатии определяется не только притягательностью культурного продукта, но и уровнем его институционализации и устойчивости [Ang, 2015]. В ответ на растущую критику концепции оперативности «мягкой силы», усиливается исследовательский интерес к институциональному измерению культурной дипломатии. Так, Николас Калл разработал «пятимерную модель публичной дипломатии», в рамках которой культурная дипломатия выступает одним из ключевых компонентов, обеспечивающих институциональную стабильность и формирование долгосрочного доверия. Данный

подход способствовал сдвигу исследовательского фокуса от изучения культурной коммуникации к анализу институционального проектирования в сфере культурной дипломатии [Cull, 2008].

В эпоху холодной войны культурная дипломатия стала не только ареной идеологического противостояния, но и важным механизмом формирования «пространства восприятия безопасности» между сверхдержавами. На основании анализа деятельности Агентства США по информации и транснациональных культурных организаций Кеннет Осгуд приходит к выводу, что культурная дипломатия выступала в качестве средства формирования долгосрочного стратегического доверия [Osgood, 2006]. Российские исследователи также внесли значительный вклад в осмысление данного феномена. Так, А. Цыганков отмечает, что культурная дипломатия Советского Союза в период холодной войны фактически представляла собой систему экспорта норм, нацеленную на создание цивилизационного пространства, основанного на принципах антиколониализма и сопротивления западной гегемонии [Tsygankov, 2012]. Элементы данной стратегии культурного альянса получили новое развитие во внешнеполитическом курсе России XXI века, особенно в отношении стран Глобального Юга [Sun Haichao, 2024].

Одновременно в научной среде усиливаются попытки переосмысления институциональной модели культурной дипломатии. В рамках новых исследований особое внимание уделяется трехуровневой структуре: механизму производства контента, механизму институционального взаимодействия и механизму восприятия культурных инициатив [Mark, 2009]. Подчеркивается, что эффективность культурной дипломатии обусловлена не столько собственной привлекательностью культуры, сколько способностью формировать устойчивую институционализированную платформу культурного диалога, обеспечивающую взаимопонимание, доверие и согласованность политических курсов.

Культурная дипломатия России имеет глубокие исторические корни. В период холодной войны Советский Союз использовал ее как стратегический инструмент распространения собственной идеологии и противодействия западному влиянию. Особое значение имели двусторонние инициативы, такие как Соглашение Лэйси-Зарубина, способствовавшее развитию научного, технического, образовательного и культурного обмена между СССР и США, с целью укрепления взаимопонимания и демонстрации достижений советской модели развития [Kozovoi, 2016]. В области спорта и искусства Советский Союз активно использовал международные соревнования и гастрольные

туры для продвижения культурного имиджа страны. Так, в середине 1950-х годов Ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева стал первым советским коллективом, осуществившим зарубежное турне, в ходе которого были продемонстрированы богатство национальной культуры и высокие достижения советского искусства. Выступления ансамбля состоялись во Франции, Великобритании, Японии, Австралии, США и Канаде, что способствовало укреплению положительного образа СССР на международной арене (*ТАСС: Танец длиною в жизнь: лучшие НОМЕРА ансамбля имени Моисеева. URL: https://tass.ru/spec/moiseyev_ballet?ysclid=m9zujfcnww497666442 (дата обращения: 09.04.2025)*)).

После распада Советского Союза Россия возродила культурную дипломатию, стремясь адаптироваться к новым вызовам, обусловленным глобализацией и цифровой взаимосвязанностью. В отличие от централизованных культурных инициатив советского периода, находившихся под жестким контролем государства, современные проекты в этой сфере должны учитывать влияние стремительного распространения информации и транснациональных медиа-сетей. Появление цифровых технологий открыло перед российской культурной дипломатией новые возможности, одновременно поставив перед ней целый ряд вызовов. В условиях динамично меняющейся

ся информационной среды создание телеканала RT (ранее – «Russia Today») позволило России активно транслировать свои политические и культурные материалы на международной арене, способствуя формированию альтернативного образа страны в мировом информационном пространстве [Gulenko, 2024]. Эффективность данных цифровых инициатив во многом определяется их способностью привлекать разнообразные аудитории и преодолевать укоренившиеся негативные стереотипы.

Возникновение Глобального Юга стало одним из ключевых факторов, определяющих изменение международного порядка в XXI веке. Укрепление позиций, таких государств как Китай, Индия и Бразилия, изменило баланс сил, поставив под сомнение доминирование западной однополярности. Эти страны выступают за формирование многополярного мирового порядка, отражающего политическое, экономическое и культурное многообразие. Экономический рост, усиление политического влияния и активное участие в международных организациях служат очевидными признаками их возвышения. Исследователи, в частности Самир Амин, акцентировали внимание на идеологических основах сотрудничества стран Юга, подчеркивая важность солидарности развивающихся государств в противодействии империалистическим структурам. В своей работе «Дол-

гая революция Глобального Юга» Амин детально анализирует исторический и современный опыт борьбы за самостоятельное и справедливое развитие [Amin, 2011]. Сотрудничество России с государствами Глобального Юга является как стратегическим ответом на западные санкции, так и важнейшим элементом формирования альтернативных форматов глобального взаимодействия. Через развитие культурных и экономических связей Россия активно участвует в перестройке правил международного обмена и укреплении многополярности.

Национальный бренд как инструмент управления международной репутацией предполагает целенаправленное формирование и продвижение позитивного имиджа страны с целью укрепления ее авторитета, привлечения инвестиций и развития сферы услуг. Саймон Анхольт в своих исследованиях концепции «конкурентоспособной идентичности» отмечает, что культура, политика и публичная дипломатия играют решающую роль в конструировании благоприятного образа государства на мировой арене [Anholt, 2007]. Российские усилия в этом направлении сосредоточены преимущественно на противодействии негативным нарративам, транслируемым западными СМИ. В ответ на культурные санкции Россия активизировала меры по популяризации собственного культурного наследия, про-

движению русского языка, литературы и искусства, а также организации международных культурных мероприятий, стремясь продемонстрировать свой вклад в мировую цивилизацию.

Культурное сотрудничество России со странами Глобального Юга стало неотъемлемым элементом стратегии «мягкой силы», направленной на закрепление за Россией роли ключевого участника многополярного мира. Через совместные культурные проекты, образовательные обмены и экономическое взаимодействие Россия стремится укрепить свой международный имидж как державы, содействующей глобальной интеграции и культурному обогащению. Одновременно реализуется задача формирования пророссийских элит и сетей межкультурной идентичности. Данное сотрудничество сочетает в себе как традиционные формы гуманитарного взаимодействия, так и стратегические геополитические интересы, формируя уникальную модель культурной дипломатии.

Особую роль в формировании глобального восприятия играет медиапространство. Монро Прайс в работе «Медиа и суверенитет» исследует механизмы использования медиа для защиты государственного суверенитета и влияния на международную информационную повестку, подчеркивая сложные взаимосвязи между контролем над СМИ и формированием общественного мнения [Price, 2002].

Россия придает большое значение роли средств массовой информации: федеральные медиаструктуры, такие как RT и Sputnik, активно расширяют свое присутствие в странах Глобального Юга. Предоставляя альтернативный западному взгляд на международные события, эти каналы способствуют формированию более благожелательного отношения к России. Вместе с тем эффективность данного подхода остается предметом дискуссий: критики указывают на риски, связанные с государственной аффилированностью этих СМИ, что может вызывать сомнения в их объективности. Кроме того, развитие цифровых платформ усилило конкуренцию за внимание аудитории, требуя от России более гибких и многоуровневых информационных стратегий.

Теоретические основы исследования

В настоящем исследовании используются три взаимосвязанные теоретические концепции – теория «мягкой силы», конструктивизм в международных отношениях и постколониальная теория – для анализа культурной дипломатии России и ее стратегического участия в делах стран Глобального Юга после 2022 года. Каждая из этих концепций предлагает уникальный и дополняющий другие подход к изучению мотивов, механизмов и последствий попыток России, направленных на противо-

действие западной гегемонии и восстановление своих позиций на мировой арене. Их синтез позволяет осуществить многомерный анализ, раскрывающий как стратегические, так и идеологические аспекты внешней политики России в отношении стран Глобального Юга.

Теория «мягкой силы», впервые сформулированная Джозефом Найем в начале 1990-х годов, определяет «мягкую силу» как способность государства добиваться желаемого поведения других акторов через привлечение и убеждение, а не через принуждение или экономическое давление. «Мягкая сила» действует посредством распространения культурных ценностей, политических идеалов и моделей внешней политики, воспринимаемых как легитимные и морально обоснованные [Nye, 2004]. После 2022 года Россия опирается на инструменты «мягкой силы» для перестройки своего международного имиджа и расширения влияния. Ключевыми элементами данной стратегии выступают мероприятия, такие как Всемирный фестиваль молодежи и Казанские «Игры будущего», служащие демонстрацией культурных и научных достижений России, а также носителями ее геополитического нарратива. Следует подчеркнуть, что реализация российской стратегии «мягкой силы» тесно связана с дискурсом многополярности. Через альянс с Китаем и активное участие в деятельности

объединения БРИКС Россия стремится к укреплению своей позиции в качестве защитника альтернативного мирового порядка и созданию культурно-идеологического пространства, способного противостоять западному доминированию [Ingrid d'Hooghe, 2015].

Конструктивизм в международных отношениях, акцентирующий внимание на роли идентичности, норм и социального взаимодействия в формировании поведения государств, предлагает второй аналитический ракурс. В отличие от реалистической и либеральной парадигм, сосредоточенных на материальных ресурсах или институциональных механизмах, исследования конструктивизма доказывают, что интересы и идентичность государств формируются через исторический опыт и постоянное взаимодействие с внешней средой [Wendt, 1992]. Культурную дипломатию России следует рассматривать как процесс переосмысления и утверждения собственной национальной идентичности. Столкнувшись с растущей изоляцией со стороны Запада, Россия стремится представить себя не как объект санкции со стороны стран коллективного Запада, а как культурно богатую и идеологически суверенную державу. Эти усилия включают в себя апелляцию к опыту советской солидарности с антиколониальными движениями, что способствует созданию историко-идеологического

консенсуса с государствами Глобального Юга. Как отмечает Анхольт, в условиях геополитического давления государства зачастую прибегают к инструментам национального брендинга и культурной дипломатии для укрепления или переосмысления своего образа на международной арене. В этой связи стратегию России в странах Глобального Юга можно трактовать как процесс формирования совместного нарратива сопротивления, суверенитета и многополярности [Anholt, 2007].

Постколониальная теория привносит в анализ дополнительное измерение, подвергая критике исторически сложившуюся иерархию глобальных властных отношений, которая продолжает оказывать влияние на международную систему. Работы, таких авторов как Эдвард Саид, Франц Фанон и Хоми Баба, акцентируют внимание на продолжающемся воздействии колониальных структур и на критике культурной и эпистемологической гегемонии глобального Севера [Bhabha, 1994; Fanon, 1963; Said, 1978]. Россия, опираясь на антиколониальный и антиимпериалистический дискурс, стремится позиционировать себя не как новую империалистическую силу, а как жертву западного доминирования и тем самым как легитимного представителя альтернативного мировоззрения. Тем не менее постколониальная перспектива также предлагает

критический инструментарий для оценки этих заявлений. Возникает вопрос: *действительно ли Россия выступает солидарным партнером стран Глобального Юга или лишь воспроизводит патронажно-клиентские модели в новом обличье?* Несмотря на привлекательность риторики сопротивления, асимметричность реальных властных отношений зачастую препятствует построению равноправного партнерства.

Таким образом, синтез трех теоретических подходов позволяет комплексно осмыслить стратегические, нормативные и исторические аспекты российской культурной дипломатии в Глобальном Юге. Теория «мягкой силы» объясняет инструменты и механизмы воздействия посредством несиловых средств; конструктивизм подчеркивает роль идентичности и процессов смыслообразования; постколониальная теория помещает российскую активность в более широкий контекст борьбы с западной гегемонией, выявляя внутренние противоречия в этом стремлении. Вместе эти рамки формируют прочную аналитическую основу для изучения трансформации роли России в мировом порядке, характеризующемся усилением идеологической конкуренции и изменением конфигурации международных союзов.

Эмпирическое исследование

(I) Культурная дипломатия России после 2022 года

После 2022 года Россия активизировала усилия по формированию нового глобального имиджа, укреплению солидарности с государствами Глобального Юга и противодействию культурной и идеологической гегемонии Запада посредством организации ряда масштабных мероприятий. Далее подробно рассмотрим шесть ключевых инициативах: Всемирный фестиваль молодежи 2024 года, Казанские «Игры будущего» 2024 года, Санкт-Петербургский международный объединенный культурный форум (2024), Год культуры России и Китая (2024–2025), культурные проекты стран БРИКС (2024) и Московский международный фестиваль света (2024).

С точки зрения теории «мягкой силы» культурная дипломатия России стремится к лидирующим позициям на мировой арене посредством несиловых средств. Так, на Всемирном фестивале молодежи в Сочи (2024), собравший более 20 тысяч участников из более чем 180 стран – в том числе из Африки, Латинской Америки и Азии, – был сделан упор на темы мира, диалога, суверенитета и единства молодежи [Президент России. Закрытие ... , 2024]. Это позволило представить Россию в качестве инициатора межкультурного взаимопонимания и сторонника многополярного сотрудничества. Казанские «Игры будущего», уникальное

сочетание науки, спорта и искусства, представляют достижения в киберспорте, робототехнике, виртуальной и дополненной реальности, информационных технологиях и искусственном интеллекте, демонстрируя инновационный потенциал России и ее стремление предложить альтернативу западным доминирующим платформам (Егор Алеев *Что известно об Играх будущего*. ТАСС. 20 февраля 2024. URL: <https://tass.ru/info/20035989?ysclid=maled8isqq277618051> (дата обращения: 09.04.2025)).

Данные мероприятия отражают возможности России в разнообразном развитии содержания своей «мягкой силы», переориентируя внимание на новые регионы, прежде всего, на страны Глобального Юга. Россия больше не стремится к признанию Западом, фокусируя усилия на укреплении уважения и доверия у незападной аудитории. Так, Санкт-Петербургский международный культурный форум 2024 года, посвященный странам БРИКС, объединил художников, политиков и интеллектуалов из стран Юга, продемонстрировав богатство незападных культурных традиций и подчеркнув ценность культурного многообразия. (Коммерсантъ. (2024). *Фестиваль БРИКС, «Преступление и наказание» и патриарх Кирилл*. 09.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7010252> (дата обращения: 09.04.2025). Стратегия «мягкой силы» России заключается в создании альтерна-

тивной культурной платформы, сознательно противопоставляемой западной либеральной гегемонии и основанной на идеях суверенного культурного развития. В данном контексте подход России перекликается с концепцией Джозефа Ная о привлечении посредством ценностей и культуры, но адаптирован к условиям современного многополярного мира, где культурная дипломатия становится ареной конкуренции, а не консенсуса [Nye, 2004].

Конструктивистский подход масштабнее демонстрирует, как культурная дипломатия используется Россией для реконструкции собственной идентичности в ответ на международную изоляцию. После обострения российско-украинского конфликта в 2022 году Россия столкнулась со значительной маргинализацией в политической, культурной и спортивной сферах Запада. В этих условиях Москва активно обращается к государствам Глобального Юга с целью восстановления международной легитимности и закрепления образа цивилизационного центра в многополярной системе.

Такие проекты, как Год культуры России и Китая (2024–2025), подчеркивают усилия по переосмыслению идентичности страны посредством акцента на общих культурных ценностях, исторических связях и диалоге цивилизаций [Президент России. Открыты ... , 2024]. Россия укрепляет тесные связи с Китаем, одновременно по-

зиционируя себя как культурный мост между Европой и Азией – не полностью западной и не полностью восточной державой. Это соответствует конструктивистскому пониманию идентичности как динамично формируемого социально-го феномена [Wendt, 1992].

Культурный проект БРИКС 2024 года, в свою очередь, иллюстрирует стремление России к укреплению коллективной идентичности новых центров силы, основанной на взаимном уважении, признании культурного разнообразия и сопротивлении западной культурной унификации (ТАСС. (2024). *Наследие стран-участниц БРИКС представят на приуроченной к саммиту выставке в Казани Саммит пройдет в октябре. 25 мая 2024.* URL: <https://tass.ru/kultura/20904667?ysclid=ma1fbt6aoh223363553> (дата обращения: 09.04.2025)).

Участие в этом проекте демонстрирует стремление Москвы к консолидации сотрудничества с государствами, разделяющими ее критическое отношение к западной системе норм [Anholt, 2007].

Культурные фестивали, такие как Московский международный фестиваль «Круг света» (2024), выполняют не только эстетическую функцию, но и символизируют культурную стойкость России в условиях внешнего давления. Привлекая художников и дизайнеров из незападных стран, Россия укрепляет образ открытой, многоликой и креа-

тивной державы, способной вносить вклад в развитие мировой культуры.

Постколониальная теория позволяет глубже осмыслить идеологические рамки культурного взаимодействия России с государствами Глобального Юга. В официальной риторике особое внимание уделяется темам антиколониальной солидарности, цивилизационного достоинства и противостояния моральному империализму Запада – ключевым элементам постколониального дискурса. Выступая на Всемирном фестивале молодежи и Санкт-Петербургском культурном форуме, российские лидеры акцентировали понятия «деколонизации», «суверенной культуры» и «многополярности», стремясь вызвать отклик у стран, испытывающих последствия колониального прошлого.

Данные шаги соответствуют постколониальной критике западной гегемонии: Россия стремится позиционировать себя в качестве союзника угнетенных народов и защитника культурной автономии, бросая вызов универсалистскому нарративу о западной свободе, демократии и современности. В рамках Года культуры России в Китае и культурных проектов БРИКС обмен определяется как взаимное обогащение, а не как односторонняя передача ценностей, что подчеркивает стремление выстраивать горизонтальные, равноправные отношения.

Таким образом, культурная дипломатия России после 2022 года носит как стратегический, так и сим-

волический характер. Стремясь расширить зону своего влияния за пределами Запада, Россия использует «мягкую силу» для создания новых альянсов, реконструкции собственной идентичности и укрепления культурной устойчивости. Конструктивистский подход позволяет объяснить, как меняется самоидентификация страны, в то время как постколониальная перспектива освещает идеологические основания ее взаимодействия с миром.

Тем не менее, несмотря на растущий интерес к российской «мягкой силе» в странах Глобального Юга, внутренние противоречия и особенности геополитического поведения Москвы могут ограничивать долговременную эффективность ее культурной стратегии. Изменения в культурной дипломатии после 2022 года, несомненно, свидетельствуют о заметной эволюции внешнеполитического инструментария России – от традиционной опоры на жесткую силу к использованию культуры как средства формирования глобального порядка.

(II) Сотрудничество России и Китая в странах Глобального Юга: совместные культурные и экономические инициативы

Подробнее остановимся на анализе стратегического и символического значения сотрудничества между Россией и Китаем в странах Глобального Юга с акцентом на культурные и экономические инициативы в рамках БРИКС. Новая

геополитическая конфигурация, сложившаяся после 2022 года, побуждает обе страны к более тесному выстраиванию партнерских отношений на фоне напряженных взаимоотношений с государствами Запада. Сотрудничество России и Китая в странах Глобального Юга становится важнейшей ареной проецирования «мягкой силы», формирования альтернативной международной идентичности и продвижения постколониальных нарративов сопротивления.

Посредством культурных проектов БРИКС, форума «Один пояс, один путь», создания экономических коридоров и организации совместных мероприятий в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, Россия и Китай формируют общее видение многополярного мирового порядка, рассматривая его не только в экономическом, но и в фундаментально культурном измерении.

С точки зрения концепции «мягкой силы» обе страны активно используют культурную дипломатию для укрепления взаимного доверия, расширения влияния и продвижения альтернативы западной модели либерального международного порядка. Ключевым элементом этой стратегии стали культурные проекты БРИКС, инициированные в 2024 году, включающие передвижные выставки, совместное производство фильмов, академические обмены и цифровые гуманитарные инициативы. Эти проекты направлены на де-

монстрацию культурного разнообразия, взаимного уважения и развитие межкультурного диалога как внутри стран БРИКС, так и в более широком контексте Глобального Юга.

С точки зрения конструктивистского подхода сотрудничество России и Китая представляет собой процесс совместного конструирования коллективной идентичности в ответ на воспринимаемую ими маргинализацию со стороны Запада. Партнерство двух государств выходит за рамки прагматических расчетов, направлено на формирование антигегемонистского блока, основанного на принципах суверенитета, многополярности и уважения цивилизационного разнообразия. Через культурные инициативы в рамках БРИКС и других региональных платформ Россия и Китай стремятся позиционировать себя не как изолированные ревизионистские державы, а как сотворцы нового мирового порядка.

Ярким примером этого процесса является Год культуры России в Китае (2024–2025 гг.), в рамках которого в совместных выставках, публикациях и публичных выступлениях постоянно подчеркивается тема «единства цивилизаций и глобального культурного разнообразия». Конструктивистские усилия особенно заметны в активном участии обеих стран в делах Глобального Юга. Так, на Форуме СМИ стран БРИКС, организованном агентством ТАСС при содействии китайского агентства Синьхуа,

наряду с представителями стран БРИКС выступили и делегаты других государств Юга, подчеркнувшие необходимость противостояния доминирующим западным медийным нарративам и утверждения альтернативной эпистемологии [Kester K. Klomegah, 2024].

Как отмечал Уинтер, национальная идентичность формируется в процессе взаимодействия и взаимного признания [Wendt, 1992]. В этом контексте Россия и Китай не только совместно конструируют собственную идентичность, но и способствуют формированию широкой идентичности Глобального Юга, позиционируя себя как его лидеров и культурных союзников. В соответствии с подходом Анхольта, их партнерство можно рассматривать как элемент построения национального бренда, способствующего ассоциации образа обеих стран с прогрессом, традициями и сотрудничеством, а не с конфликтами и принуждением [Anholt, 2007].

Постколониальная теория предоставляет важные аналитические инструменты для осмысления идеологического и символического аспектов сотрудничества России и Китая в странах Глобального Юга. Культурные и экономические инициативы двух стран часто сопровождаются антиколониальными нарративами, акцентирующими необходимость преодоления наследия западного империализма и утверждения суверенного пути развития. В Казанской декларации по

итогах 16-го саммита БРИКС в 2024 году подчеркивалась важность укрепления многосторонности, содействия справедливому глобальному развитию и поддержания духа в движении к неприсоединению, что дополнительно закрепляет моральную легитимность России и Китая как партнеров постколониального мира [Синьхуа, 2024].

Россия акцентирует свою роль в процессе деколонизации в годы холодной войны, тогда как Китай апеллирует к собственной истории жертвы западного и японского империализма. Эти нарративы находят особый отклик в регионах с сильной исторической памятью о колониализме, таких как Субсахарская Африка и Юго-Восточная Азия.

Таким образом, несмотря на декларируемую приверженность постколониальным ценностям, остается дискуссионным вопрос о том, в какой степени совместные инициативы России и Китая действительно способствуют построению равноправного глобального порядка. Их культурная активность укрепляет голоса стран Глобального Юга, однако процесс принятия решений и формулирования повестки дня по-прежнему сосредоточен в Москве и Пекине.

Комплексный теоретический подход позволяет выявить сложную природу российско-китайского сотрудничества в странах Глобального Юга, сочетающего проекцию мягкой силы, формирование идентичности и продвижение постколо-

ниальных нарративов. Культурные инициативы в рамках БРИКС направлены не только на расширение влияния, но и на легитимацию модели «общей цивилизации», противопоставляемой западным либеральным нормам. Теория «мягкой силы» объясняет механизмы культурного воздействия через фестивали, образовательные обмены и символические инвестиции. Конструктивизм демонстрирует, как стратегическое партнерство способствует перестройке идентичности России и Китая.

Таким образом, культура занимает центральное место в геополитических стратегиях XXI века. Совместные усилия России и Китая в Глобальном Юге отражают не только новый тип взаимодействия между великими державами, но и знаменуют собой новую фазу борьбы за смысл глобального порядка. Открытым остается вопрос: *приведут ли эти усилия к реальному культурному многообразию или же станут новым этапом конкуренции за глобальное господство в условиях многополярности?*

**(III) Сравнительный анализ:
культурная дипломатия
как инструмент
стратегического вызова**

Два рассмотренных выше метода культурной дипломатии – возрождение российской культуры через проведение крупных мероприятий и международных фестивалей, а также российско-китайское

сотрудничество в рамках совместных культурных и экономических проектов в странах Глобального Юга – демонстрируют взаимодополняющие, но принципиально различающиеся стратегии, направленные на оспаривание доминирующего положения Запада. Несмотря на различия в масштабе и целевой аудитории, оба подхода способствуют стратегическому реформатированию России (и в определенной степени Китая), репозиционированию этих стран в многополярной системе международных отношений и укреплению их статуса альтернативных цивилизационных центров.

Культурная дипломатия внутри России ориентирована на формирование образа государства, которое, несмотря на санкционное давление и политическую изоляцию, сохраняет внутреннюю динамику, обладает широкой сетью международных связей и демонстрирует культурную устойчивость. Мероприятия такого масштаба, как Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Универсиада и Объединенный культурный форум, нацелены на опровержение западного нарратива о «закате России», акцентируя внимание на ее возрождении, многообразии и глобальной активности. Эти форумы служат платформами для продвижения мягкой силы, приглашая представителей дружественных и нейтральных государств к непосредственному знакомству с российской культурой.

В отличие от этого, российско-китайское сотрудничество в странах Глобального Юга имеет преимущественно дипломатический и альянсовый характер. Москва и Пекин стремятся изменить международную нормативную среду, взаимодействуя с государствами, имеющими колониальный или полуколониальный опыт, и испытывающими отчуждение от западных стандартов и либерального универсализма. В данном случае вызов Западу приобретает ярко выраженное идеологическое измерение: речь идет о формировании новых ценностных ориентиров, утверждающих суверенитет, многополярность и «цивилизационное разнообразие» в качестве легитимной альтернативы западной политико-культурной модели.

Россия преимущественно опирается на символизм и культурные послания, связанные с историческим наследием, тогда как Китай делает ставку на экономический прагматизм и логистическую мощь. Вместе они формируют своеобразный «восточно-восточно-южный» культурно-экономический альянс, противопоставляемый парадигме «Запад и остальные».

Тем не менее Россия и Китай сталкиваются с серьезными ограничениями в изменении своего имиджа, прежде всего, в западных медиа. Попытки России усилить свое влияние средствами культурной дипломатии зачастую интерпретируются западными государ-

ствами как элементы пропагандистских кампаний, что существенно снижает их эффективность. Дефицит доверия наиболее заметен среди западных союзников, у которых доминирующий медийный дискурс остается основанным на критике российского «авторитаризма», «милитаризма» и «дезинформации». Ограничение вещания российских СМИ в Европе (например, запрет на деятельность RT) [Gergely Ferenc Lendvai, 2024] и трактовка российско-китайского партнерства как проявления геополитического оппортунизма дополнительно сужают пространство для влияния [Lo Vobo, 2017].

Иная ситуация наблюдается в странах Глобального Юга, где антизападная риторика находит значительно больший отклик, особенно в государствах с колониальным прошлым или в тех, кто имеет нерешенные споры с Западом по вопросам торговли, развития и управления. Россия и Китай предлагают таким странам не только материальные выгоды, но и символическое признание. Совместные инфраструктурные и культурные проекты позиционируются как формы «взаимовыгодного сотрудничества», а не неоколониальной зависимости. Возрастающий спрос на альтернативные западным системы образования, независимые медиа и источники финансирования способствует укреплению связей с Москвой и Пекином.

Особое значение имеет то, что культурные контакты России с государствами Глобального Юга строятся на основе возрождения исторической дружбы – например, с постколониальными странами Африки времен холодной войны, – в то время как Китай позиционирует себя в качестве примера технологического развития и модернизации. Обе державы апеллируют к общей постколониальной идентичности, представляя свои инициативы как новую волну «южно-южного» сотрудничества.

Стратегия, сочетающая культурные и экономические аспекты вовлечения, меняет глобальный баланс сил не путем прямого противостояния, а через подрыв идеологической монополии Запада и формирование параллельных легитимных институтов. Культурные проекты БРИКС, включая планируемую медиасеть БРИКС, нацелены на производство и распространение контента, отражающего не западный опыт, ценности и нормы. Этот процесс оказывает влияние на политику западных государств в отношении Глобального Юга, стимулируя пересмотр стратегий помощи, инфраструктурной дипломатии (например, инициатива «Глобальные ворота» G7) и партнерских программ.

В то же время сохраняется фактор влияния западной культурной нормы через региональные элиты, диаспоры и институты гражданского общества, что остается серьез-

ным вызовом для культурной дипломатии России и Китая. Их успех требует не только межправительственного взаимодействия, но и глубокой вовлеченности общества, которая пока остается слабым звеном.

Стратегия культурной дипломатии России после 2022 года отражает стремление к укреплению своих позиций на мировой арене посредством многоуровневого подхода в условиях ограничения традиционных дипломатических и экономических инструментов. Основные методы включают:

- проведение масштабных культурных мероприятий для демонстрации внутренней уверенности и международных связей;

- развитие стратегического партнерства с Китаем и государствами Глобального Юга для формирования альтернативных культурных и экономических нарративов;

- продвижение диалога цивилизаций как противовеса западному либеральному универсализму;

- использование постколониальной риторики для позиционирования себя в качестве союзника исторически маргинализированных обществ.

Данные стратегии частично достигли поставленных целей. Хотя они не привели к кардинальному изменению восприятия России в западном мире, они способствовали укреплению ее позиций в странах Глобального Юга, стремящихся к построению более справедливого и многополярного международного

порядка. Для России страны Глобального Юга выполняют двойную функцию: с одной стороны, они предоставляют площадку для демонстрации ее глобального влияния и лидерства, а с другой – становятся соавторами создания альтернативного эпистемологического и культурного пространства, бросающего вызов западной универсальности.

Таким образом, сотрудничая со странами Глобального Юга, Россия не только смягчила последствия санкции со стороны стран коллективного Запада, но и перепозиционировала себя как полноправного участника глобальной цивилизационной динамики. Культурное возрождение России после 2022 года представляет собой не только оборонительную реакцию, но и активную наступательную стратегию перераспределения баланса глобальной легитимности.

Выводы

Культурная дипломатия России после 2022 года представляет собой как адаптацию к ограничительным мерам со стороны стран коллективного Запада, так и активную стратегию восстановления глобальной легитимности через развитие западных альянсов. Ориентируясь на страны Глобального Юга, Россия перепозиционирует культурное участие, превращая его в один из ключевых инструментов геополитической перестройки. Этот сдвиг носит не только символический

характер, но отражает фундаментальные изменения в международной системе, где культура, идентичность и историческая память становятся средствами защиты суверенитета и борьбы за господство в сфере норм и ценностей.

Опираясь на концепции «мягкой силы», конструктивизма и постколониальной теории, Россия стремится трансформировать свой образ – от государства, подверженного санкционному давлению, к цивилизационной альтернативе, союзнику стран Глобального Юга и стороннику идеи многополярного мира. Этот стратегический поворот способствовал формированию нового культурного фронта России и Китая, направленного на оспаривание информационной и идеологической монополии Запада, создание альтернативного нормативного пространства и утверждение принципов культурного многообразия, суверенитета и альтернативных моделей развития.

Сотрудничество с государствами Глобального Юга позволило России и Китаю не только укрепить взаимное доверие и духовные связи, но и превратить данный регион в активную арену по формированию нового международного порядка. Тем не менее перед Россией и Китаем стоит серьезный вызов: успешная реализация данной стратегии требует выхода за рамки символических инициатив и формального обмена жестами. Необходимо выработка устойчивых моде-

лей сотрудничества, основанных на взаимной выгоде, инклюзивности и долгосрочных инвестициях в культурную сферу. В противном случае культурные инициативы рискуют превратиться в инструменталистские кампании, обреченные на краткосрочный эффект, как это уже происходило в истории «мягкой силы».

Культурная дипломатия между Россией и Китаем на пространстве

Глобального Юга подчеркивает возросшую роль культуры как поля глобальной политической борьбы, где нарративы, символы и идентичность становятся не только средствами поддержания национального престижа, но и инструментами перераспределения власти в мировом порядке.

Библиографический список

1. Президент России. Открыты «перекрестные» года культуры России и Китая. 16 мая 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74052> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Президент России. Закрытие Всемирного фестиваля молодежи. 6 марта 2024 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73615> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Anholt S. Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.
4. Amin S. The Class Struggle in Africa. Revolution, 1964.
5. Amin S. Global History: A View from the South. Pambazuka Press, 2011.
6. Bhabha H. K. The location of culture. Routledge, 1994.
7. Ingrid d'Hooghe. China's public diplomacy. Brill, 2015.
8. Fanon F. The wretched of the earth (C. Farrington, Trans.). Grove Press, 1963. (Original work published 1961).
9. Gergely Ferenc Lendvai. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. European Papers. URL: <https://www.europeanpapers.eu/europeanforum/media-in-war-overview-of-european-restrictions-on-russian-media> (дата обращения: 04.09.2025).
10. Gulenko P. RT (Russia Today): From Soft Power to the Weaponization of Information. In: Thomasen, G., Békés, C., Rácz, A. (eds) The Palgrave Handbook of Non-State Actors in East-West Relations, 2024. Palgrave Macmillan, Cham. pp.699-715.
11. Keohane R. O., & Nye, J. S. Power and interdependence (4th ed.). Pearson, 2011.
12. Kester K. Klomegah. BRICS Media Forum Emphasizes Interaction and Understanding Between Members. Modern Diplomacy. September 15, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/09/15/brics-media-forum-emphasizes-interaction-and-understanding-between-members/> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Lo B. Russia and the New World Disorder. Brookings Institution Press, 2015.
14. Lo B. A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World, by London: Penguin, 2017.
15. Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. PublicAffairs, 2004.

16. Price M. Media and sovereignty: The global information revolution and its challenge to state power. MIT Press, 2002.
17. Said E. W. Orientalism. New York : Pantheon Books, 1978.
18. Sun Haichao, Li Xiaoyun, Wang Hui. et. The resurgence of the awakening of the Global South: mutual learning and resonance. Global Times. Dec 17, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325249.shtml>. (дата обращения: 04.09.2025).
19. Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 04.09.2025).
20. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. International Organization. 1992. 46(2), 391–425.
21. Wilson, J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China. Europe-Asia Studies. 2015. 67(8), 1171–1202.
22. 德米特里·索洛维伊,王嘎.战略文化在俄罗斯对外政策中的作用与意义[J].俄罗斯东欧中亚研究,2019(03):19-31+155-156.
23. 庞大鹏.俄罗斯的外交决策:人格特质与战略文化[J].俄罗斯学刊,2019,9(02):5-24.
24. 许华.“人类命运共同体”愿景中的中俄文化外交[J].俄罗斯东欧中亚研究,2018(04):13-26+156.
25. 汪宁,韦进深.俄罗斯文化战略评析[J].国际观察,2018(04):141-157.
26. 王巍.文化因素对俄罗斯外交政策的影响[J].学术交流,2016(09):219.
27. 杨洁.俄罗斯外交文化传统研究[J].哈尔滨工业大学学报(社会科学版),2016,18(04):85-90.
28. 田刚健.普京时期俄罗斯文化外交政策与国家形象塑造[J].东北师大学报(哲学社会科学版),2016(03):91-97.
29. 李欣.俄罗斯外交文化因素动因分析[J].人民论坛,2016(11):247-249.
30. 吴非,胡逢瑛.俄罗斯的公共外交与文化软实力战略[J].人民论坛·学术前沿,2015(24):44-52.
31. 安德烈·齐甘科夫,戴惟静.历史和文化视角下的俄罗斯外交政策[J].中国国际战略评论,2015(00):258-268.
32. 宋志芹.俄罗斯软实力外交:认知、优先方向、评价[J].西伯利亚研究,2015,42(03):39-45.
33. 劳灵珊.文化外交在当代中俄关系中的作用[J].西伯利亚研究,2012,39(02):32-37.
34. 汪宁.重回后苏联空间——俄罗斯文化外交评析[J].社会科学,2012(04):12-20.
35. 任立侠.试析俄罗斯民族的文化心理对俄外交的影响[J].西伯利亚研究,2010,37(05):59-62.
36. 周力.俄罗斯文化的基本精神与外交[J].俄罗斯研究,2010(04):71-83.
37. 肖贵纯.俄罗斯外交中的欧亚主义文化特征[J].西伯利亚研究,2008(05):41-44.

38. 张建华. 俄罗斯外交取向的历史文化传统思考[A]. 南开大学世界近现代史研究中心 (The Research Center for the History of Modern World Nankai University) .世界近现代史研究 (第二辑) [C].:南开大学世界近现代史研究中心,2005:19.
39. 新华社. (2024). 金砖国家领导人第十六次会晤喀山宣言。2024.10.24. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (дата обращения: 04.09.2025).
40. 赵淑芳.俄罗斯外交文化的特点及影响[J].东北亚论坛,2004(04):50-54.
41. 李敏.文化外交及其在当代对外关系中的独特价值—兼议地方对外文化交流的作用和实现途径[J].当代世界. 2009

Reference list

1. Prezident Rossii. Otkryty «perekrjostnye» goda kul'tury Rossii i Kitaja = The President of Russia. The "cross-cultural" years of Russia and China have been opened. 16 maja 2024 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74052> (data obrashhenija: 09.04.2025).
2. Prezident Rossii. Zakrytie Vsemirnogo festivalja molodjozhi. 6 marta 2024 god = The President of Russia. Closing of the World Youth Festival. March 6, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73615> (data obrashhenija: 09.04.2025).
3. Anholt S. Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.
4. Amin S. The Class Struggle in Africa. Revolution, 1964.
5. Amin S. Global History: A View from the South. Pambazuka Press, 2011.
6. Bhabha H. K. The location of culture. Routledge, 1994.
7. Ingrid d'Hooghe. China's public diplomacy. Brill, 2015.
8. Fanon F. The wretched of the earth (C. Farrington, Trans.). Grove Press, 1963. (Original work published 1961).
9. Gergely Ferenc Lendvai. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. European Papers. URL: <https://www.europeanpapers.eu/europeanforum/media-in-war-overview-of-european-restrictions-on-russian-media> (дата обращения: 04.09.2025).
10. Gulenko P. RT (Russia Today): From Soft Power to the Weaponization of Information. In: Thomassen, G., Békés, C., Rácz, A. (eds) The Palgrave Handbook of Non-State Actors in East-West Relations, 2024. Palgrave Macmillan, Cham. pp.699-715.
11. Keohane R. O., & Nye, J. S. Power and interdependence (4th ed.). Pearson, 2011.
12. Kester K. Klomegah. BRICS Media Forum Emphasizes Interaction and Understanding Between Members. Modern Diplomacy. September 15, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/09/15/brics-media-forum-emphasizes-interaction-and-understanding-between-members/> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Lo B. Russia and the New World Disorder. Brookings Institution Press, 2015.
14. Lo B. A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World, by London: Penguin, 2017.
15. Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. PublicAffairs, 2004.

16. Price M. Media and sovereignty: The global information revolution and its challenge to state power. MIT Press, 2002.
17. Said E. W. Orientalism. New York : Pantheon Books, 1978.
18. Sun Haichao, Li Xiaoyun, Wang Hui. et. The resurgence of the awakening of the Global South: mutual learning and resonance. Global Times. Dec 17, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325249.shtml>. (data obrashhenija: 04.09.2025).
19. Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (data obrashhenija: 04.09.2025).
20. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. International Organization. 1992. 46(2), 391–425.
21. Wilson, J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China. Europe-Asia Studies. 2015. 67(8), 1171–1202.
22. 德米特里·索洛维伊,王嘎.战略文化在俄罗斯对外政策中的作用与意义[J].俄罗斯东欧中亚研究,2019(03):19-31+155-156.
23. 庞大鹏.俄罗斯的外交决策:人格特质与战略文化[J].俄罗斯学刊,2019,9(02):5-24.
24. 许华.“人类命运共同体”愿景中的中俄文化外交[J].俄罗斯东欧中亚研究,2018(04):13-26+156.
25. 汪宁,韦进深.俄罗斯文化战略评析[J].国际观察,2018(04):141-157.
26. 王巍.文化因素对俄罗斯外交政策的影响[J].学术交流,2016(09):219.
27. 杨洁.俄罗斯外交文化传统研究[J].哈尔滨工业大学学报(社会科学版),2016,18(04):85-90.
28. 田刚健.普京时期俄罗斯文化外交政策与国家形象塑造[J].东北师大学报(哲学社会科学版),2016(03):91-97.
29. 李欣.俄罗斯外交文化因素动因分析[J].人民论坛,2016(11):247-249.
30. 吴非,胡逢瑛.俄罗斯的公共外交与文化软实力战略[J].人民论坛·学术前沿,2015(24):44-52.
31. 安德烈·齐甘科夫,戴惟静.历史和文化视角下的俄罗斯外交政策[J].中国国际战略评论,2015(00):258-268.
32. 宋志芹.俄罗斯软实力外交:认知、优先方向、评价[J].西伯利亚研究,2015,42(03):39-45.
33. 劳灵珊.文化外交在当代中俄关系中的作用[J].西伯利亚研究,2012,39(02):32-37.
34. 汪宁.重回后苏联空间——俄罗斯文化外交评析[J].社会科学,2012(04):12-20.
35. 任立侠.试析俄罗斯民族的文化心理对俄外交的影响[J].西伯利亚研究,2010,37(05):59-62.
36. 周力.俄罗斯文化的基本精神与外交[J].俄罗斯研究,2010(04):71-83.
37. 肖贵纯.俄罗斯外交中的欧亚主义文化特征[J].西伯利亚研究,2008(05):41-44.

38. 张建华. 俄罗斯外交取向的历史文化传统思考[A]. 南开大学世界近现代史研究中心 (The Research Center for the History of Modern World Nankai University). 世界近现代史研究 (第二辑) [C].:南开大学世界近现代史研究中心,2005:19.

39. 新华社. (2024). 金砖国家领导人第十六次会晤喀山宣言。2024.10.24. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (data obrashhenija: 04.09.2025).

40. 赵淑芳. 俄罗斯外交文化的特点及影响[J]. 东北亚论坛, 2004(04):50-54.

41. 李敏. 文化外交及其在当代对外关系中的独特价值—兼议地方对外文化交流的作用和实现途径[J]. 当代世界. 2009

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025